

© 2016 г.

В.И. БАЛАКИН

ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРИОД ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ (1868–1947 годы)

Идея формирования “сферы сопроцветания Великой Восточной Азии” возникла в Японской империи на государственном уровне сразу после Реставрации Мэйдзи в 1867 г. Так называемое восточноазиатское сопроцветание прежде всего предусматривало политическую интеграцию государств региона под эгидой японского государства¹. Восточноазиатские страны по проекту правительства Японии должны были сделать осознанный выбор в пользу создания “блока единства азиатских наций” для противостояния западным державам. Противостояние Западу на протяжении веков превратилось в основу достижения внутрияпонского единения, что по сути дела можно рассматривать как ликвидацию феодальной раздробленности и внедрение своеобразной формы национальной интеграции. Внутренние интеграционные процессы многочисленных японских княжеств во второй половине XIX в. очень напоминали аналогичные события, происходившие на территории будущей германской империи и фактически копировали объединение германских государств на основе принципа “единения железом и кровью”, активно реализовывавшегося прусским канцлером О. фон Бисмарком².

Преодоление внутренней раздробленности в Японии и Германии стало в середине XIX в. основой активного двустороннего сближения и позволило японскому правительству в исторически короткие сроки перенять германский опыт формирования единого государства, а также позаимствовать практику создания европейских политических институтов с привнесением в них тысячелетних конфуцианских традиций. Многие японские деятели утверждали, что таким образом Япония как национальное государство сможет противопоставить себя западному колониализму, приступившему к устойчивому продвижению в восточноазиатский регион³. Политический лозунг “Азия для азиатов” последовательно стал распространяться в других азиатских странах и поначалу снискал Японии заметную благосклонность со стороны местных правящих элит.

Переняв адаптированный европейский опыт государственного строительства, Токио превратился в убедительный региональный пример сохранения собственного суверенитета, что было достаточно эффективно использовано японским правительством

Балакин Вячеслав Иванович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и стран ШОС Института Дальнего Востока РАН.

¹ *Mao Z. Batong yiyu tazebi* (Секреты становления “Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии”). Nanjing, 2005, p. 18.

² *Syofu H. Meiji yishin to Ajia* (Реставрация Мэйдзи и Азия). Токуо, 2001, p. 22–23.

³ *Yamasitsu G. Nihon gaiko to ajiasyugi* (Японская внешняя политика и адзиоцентричность). Токуо, 1998, p. 5.

для создания крупных лоббистских структур практически на всей территории, прежде всего, Восточной Азии. По сути дела, Япония предприняла масштабную попытку сформировать в рамках восточноазиатского региона обширную, внутренне интегрированную зону обеспечения национальной безопасности, куда планировалось постепенно вовлечь весь Сахалин и все Курилы на севере, Восточную Сибирь, Маньчжурию, Внутреннюю и Внешнюю Монголию, Китай и Тибет на западе, Голландскую Ост-Индию на юге и океан до Гавайских островов на востоке.

В этой связи Токио стал расширять собственное активное участие в формировании региональной сферы своего политического влияния, рассчитывая добиться реального статуса авторитетного регионального игрока, определяющего стратегические условия локальной интеграции. Несомненный интерес представляет тогдашнее видение японского правительства главных целей государства на просторах Восточной Азии и задач, которые предстояло решить в данной связи⁴. Началом реализации японской модели восточноазиатской интеграции можно считать полное уничтожение деления Японии на княжества и введение в 1871 г. системы префектур. Осуществление верховной власти в префектурах было вменено в компетенцию правительственных чиновников, назначавшихся из Токио. Оно стало осуществляться под лозунгом “богатая страна, сильная армия”, превратившемся в девиз государственной модернизации и взятого курса на проведение политики “просвещения сверху”.

Названный период ознаменовался полным отказом Японии от самоизоляции и становлением страны в качестве региональной державы. На начальном этапе модернизации упор делался на заимствовании достижений западных “материальной и машинной цивилизаций”⁵. Потребовалась весьма серьезная индустриализация отсталой японской экономики, поскольку промышленность приходилось создавать практически с нуля. Задачи такого масштаба могло решить только сильное государство, приступившее в 70-х годах XIX в. к последовательной реализации национальной программы масштабных прямых инвестиций. Не брать деньги за границей на нужды модернизации, такая модель была определена в качестве принципиального курса действий японского правительства, и эта политика жестко выдерживалась за исключением двух случаев, когда Япония вынужденно прибегла к иностранным займам на оборонные нужды.

Формула “богатая страна, сильная армия” объективно ориентировала японское правительство на внешнюю экспансию, к чему призывало и влиятельное военное сословие самураев, испытывавших в новых условиях серьезные экономические и статусные затруднения. Главными объектами внешней экспансии были на долгие десятилетия определены Корея и Китай, а политически данный курс обосновывался весьма популярной теорией “единства судьбы” восточноазиатских народов, испытывавших постоянную угрозу со стороны западного колониализма. Именно в этот период, по оценкам некоторых историков, власти Японии первыми среди азиатских стран стали разрабатывать целостную концепцию региональной интеграции, взяв на вооружение откровенно силовой метод формирования зоны своего регионального жизненного пространства⁶. Характерно, что основные параметры этого пространства были облечены в форму конституции, проект которой разрабатывался в 1883–1888 гг. такими видными деятелями как Ито Хиробуми, Итасуэ Каору, Ито Миёдзи, Канэко Кэнтаро, К.Ф. Рейслером и И.А. Моссе. Документ, получивший официальное название Конституции Мэйдзи, вступил в силу в 1890 г. и согласно ему страна получила название Великая Японская Империя, в рамках которой предполагалось развивать японскую государственность в виде интегрированной конституционной монархии прусского образца, стремящейся по примеру Германии постепенно включать в себя соседние территории.

---

⁴ *Berry M.E.* Public Life in Authoritarian Japan. New York, 1998, p. 26.

⁵ *Норман Г.* Возникновение современного государства в Японии. М., 1961, с. 81.

⁶ *Ikeda D.* Soren teikoku to Nihon teikoku (Советская империя и Японская империя). Kyoto, 2009, p. 79.

Вопросами “внешней интеграции”, а, по сути дела, внешней экспансией было вменено заниматься двум государственным институтам: Гэнро и Тайному совету, полномочия которых намеренно четко не определялись конституцией. Первым их крупным внешнеполитическим проектом стала разработка и последующее утверждение императором подписанного в апреле 1885 г. Тяньцзиньского договора, в соответствии с которым Корея фактически перешла под совместный протекторат Японии и Цинского Китая. Тяньцзиньский договор сохранялся более девяти лет, что позволило японскому правительству хорошо подготовиться к войне с Китаем⁷.

В частности, была разработана специальная операция, позволившая спровоцировать китайские войска на вторжение в пределы Кореи для подавления напрямую поддержанного японцами местного националистического восстания “тонхаков”. 15 сентября 1894 г. на корейском театре военных действий произошло решающее сражение между экспедиционными корпусами китайской и японской армий. В ходе этого боевого столкновения плохо подготовленные войска Цинской империи потерпели сокрушительное поражение, в результате чего боевые действия переместились уже на территорию Китая, в Маньчжурию.

Однако военная удача в очередной раз отвернулась от Китая, что привело к временному перемирию на японских условиях, а затем и к началу мирных переговоров в японском городе Симоносеки. Правительство Японии явно воспользовалось переговорным процессом для продолжения последовательной реализации своей региональной интеграционной доктрины. Японские войска высадились на архипелаг Пэнхуледао и стали готовиться к оккупации Тайваня, для чего была предпринята отвлекающая “дипломатия угроз”, суть которой состояла в выдвигании китайской стороне заведомо неприемлемых требований. Японцы требовали выплатить контрибуцию в размере 750 млн серебряных лянов и передать японским войскам города Тяньцзинь, Дагу и Шанхай. Пока правительство Цинской империи размышляло над возможными компромиссами, Япония полностью захватила Тайвань, превратив его в еще одну японскую префектуру. Симоносекский договор вызвал жесткую реакцию со стороны России, Германии и Франции, результатом чего стал ультиматум от 23 апреля 1895 г., согласно которому ослабленная войной Япония вынуждена была отказаться от аннексии Ляодунского полуострова и уступить России незамерзающую гавань Порт-Артур⁸.

Неудача в соперничестве с Российской империей была воспринята в Токио как национальное унижение, поскольку заметно осложняло интеграционные планы японского правительства в Восточной Азии. В Японии осознали, что в одиночку поставить под контроль восточноазиатский регион вряд ли удастся и следует искать влиятельного союзника, с которым можно было бы договориться о военно-политическом союзнчестве. Интенсивные дипломатические переговоры с Великобританией увенчались успехом лишь через шесть лет. 30 января 1902 г. был подписан японо-британский договор, признававший исключительные интересы Японии на территории Кореи и в Китае⁹. Очевидная антироссийская направленность документа не вызывала никакого сомнения, на что правительство Российской империи отреагировало в октябре 1903 г. достаточно жесткими предложениями, которые фактически полностью игнорировали содержание состоявшегося японо-британского военно-политического союза. По согласованию с Лондоном Токио в ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. после предварительного разрыва дипломатических отношений с Россией без официального предупреждения совершил нападение на русскую эскадру в Порт-Артуре, заложив, таким образом, начало процессу вооруженной борьбы за доминирование в Восточной Азии.

Война с Россией истощила ресурсы Японской империи и стала для последней серьезнейшим испытанием: государственный долг страны по сравнению с довоенным

---

⁷ *Yamamoto Yu.* Kindai Nihon teikoku ni okeru syokuminti sihai (Колониальное господство в новой Японской империи). Osaka, 1996, p. 102.

⁸ *Myers R.* The Japanese Colonial Empire 1895–1945. London, 1984, p. 92.

⁹ *Hatikiki I.* Ajia ni okeru tiiki togoka (Региональная интеграция в Азии). Kyoto, 2011, p. 22.

уровнем увеличился в четыре раза, резко ухудшилось материальное положение населения, заметно выросла безработица, на горизонте появилась реальная угроза массового голода. Японское правительство всеми силами стремилось выйти из войны, рассчитывая при этом спровоцировать на продолжение военных действий против России на территории Китая такие великие державы, как Великобритания и США¹⁰.

В марте 1905 г. Япония обратилась к США за посредничеством в вопросе о заключении японо-русского мирного договора: в Токио учитывали тот факт, что между США и Российской империей отношения были более спокойными, чем у России и Великобритании. Чтобы заинтересовать США в роли посредника, Япония пошла на серьезные уступки в рамках своей доктрины восточноазиатского доминирования, подписав секретное соглашение с Вашингтоном, в котором весьма определенно заявила о снятии всех притязаний на Филиппины. Венцом японской дипломатии того периода стало заключение нового союзного договора с Великобританией, заложившего в секретном приложении формулу будущего взаимодействия двух держав в Восточной и Южной Азии, то есть, иными словами, были расставлены двусторонние приоритеты японо-британских взаимоотношений в названных регионах: Лондон признал ведущую роль Токио в Восточной Азии, а Токио в свою очередь отказался от каких-либо уступлений в отношении Индии.

Особую остроту в условиях продолжавшейся японо-русской войны приобрела полная неурегулированность корейского вопроса, поскольку здесь столкнулись крупные интересы ряда держав, прежде всего, Японии, США и России. Тем не менее ради полного контроля над Филиппинами американское правительство дало свое согласие на посредничество и пошло на признание Кореи сферой японского влияния, а на открывшихся 9 августа 1905 г. переговорах в Портсмуте фактически открыто стало лоббировать интересы Японии¹¹. Согласно японо-русскому мирному договору, подписанному в Портсмуте 5 сентября 1905 г., японской стороне удалось:

интегрировать в состав империи южную часть о. Сахалин, которая превратилась в “гражданскую администрацию Карафуту”,

получить: а) арендные права на Ляодунский полуостров с военно-морской крепостью Порт-Артур и портом Дальний,

б) часть Южно-Маньчжурской железной дороги от Порт-Артура до населенного пункта Куаньчэнцзы,

в) концессии по рыбной ловле вдоль российского побережья Японского, Охотского и Берингова морей.

Одновременно Россия фактически утратила возможности влияния на территории Кореи, где в декабре 1905 г. японское правительство навязало местным властям кабальный “договор о протекторате” и назначило верховного правителя в Сеул, присвоив ему ранг “генерального резидента” как это и предусматривалось ранее доктриной о “сфере процветания Великой Восточной Азии”. По своему сценарию корейский вопрос был решен Японией 22 августа 1910 г., когда состоялось подписание “Договора о присоединении Кореи к Японии”, то есть корейский суверенитет был уничтожен, а правителем этой страны стал император Японии.

Со вступлением на трон императора Тайсё (30 июня 1912 г.) началась эпоха, которую впоследствии назовут “временем либерализации восточноазиатской доктрины Японской империи”¹². Стоит отметить, что данная либерализация имела весьма специфический характер: Япония вступила в Первую мировую войну на стороне стран Антанты (Франция, Великобритания, Россия, Италия). 23 августа 1914 г. японское правительство объявило войну Германии, учитывая, что германские войска объективно не могли организовать серьезного сопротивления на восточноазиатском театре военных

---

¹⁰ *Yoshikawa Y. Japan's Asiaticism, 1868–1945: Dilemmas of Japanese Modernization. Washington, 1990, p. 51.*

¹¹ *Shidehara K. Gaiko 50 nen (50 лет дипломатии). Tokyo, 1998, p. 63.*

¹² *Kamimura S. Nihon Gaikoshi (История японской дипломатии). Tokyo, 1971, p. 124–136.*

действий. Для Японии крупнейшим сражением Первой мировой войны стала осада г. Циндао, столицы германских колониальных владений на территории китайской провинции Шаньдун. Удачный выбор союзников и противников позволил Японской империи наряду с Францией, Великобританией, США и Италией войти в число великих держав, принявших участие в Версальской мирной конференции и основавших Лигу Наций. По итогам Первой мировой войны Япония получила все германские колониальные территории в провинции Шаньдун, а также часть подмандатных Германии территорий в Тихом океане.

Региональная интеграционная доктрина Японской империи в отношении Восточной Азии вновь стала активно реализовываться. Подтверждением чего могут служить выдвинутые еще в январе 1915 г. на самом высоком уровне “Двадцать одно требование” к Китаю¹³. Среди этих требований наиболее одиозными выглядели продление срока аренды на 99 лет портов Редзюнь (Раджин), Люйшунькоу (Порт-Артур) и Дайрэн (Далянь), всей Южно-Маньчжурской железной дороги, совместное владение крупным металлургическим комбинатом в Центральном Китае, запрет на продажу кому-либо, кроме Японской империи, китайских прибрежных районов, а также обязательное приглашение японских советников во все правительственные органы Китая. Подобная интеграционная политика со стороны Японии на китайской территории вызвала исключительно негативную реакцию западных держав, в результате чего Токио был вынужден отказаться от немедленной реализации своих требований.

С началом революционных событий в России японское правительство сразу решило воспользоваться всеобщим замешательством и предприняло осознанную попытку самостоятельно организовать масштабную интервенцию на российский Дальний Восток и в Сибирь. Однако на этот раз оно столкнулось с жестким противодействием США, и вынуждено было дать согласие на осуществление вторжения в составе всех коалиционных сил Антанты.

В 20-е годы XX в. интеграционная (читай, колониальная) политика Японской империи стала заметно меняться. Так, например, на Тайване она получила название “политики ускоренной интеграции”, а в Корее – “политики культурного управления”¹⁴. Японское правительство старалось не только удержать захваченные территории, но и приступило к их комплексному освоению, реализуя конкретные интеграционные программы. Акцент делался на развитие транспортной инфраструктуры и силовое внедрение японской системы образования, включавшей в себя практическое искоренение местных культурных традиций и ограничения в использовании национальных языков (китайского и корейского). Японский язык был объявлен единственным средством коммуникации местных элит с японской администрацией, что позволяло последовательно формировать лояльные Японской империи национальные кадры. Интеграция на подконтрольных Японии территориях Восточной Азии имела ярко выраженный принудительный характер. Она ставила своей главной целью в обозримой перспективе полностью изменить национальное сознание населения, сделать последнее пассивным исполнителем воли японских администраторов.

25 декабря 1926 г., после смерти императора Тайсё (Ёсихито), на престол вступил его сын император Сёва (Хирохито). Значительную роль в реализации интеграционной доктрины “Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии” стали играть японские военные: командование императорских армии и военно-морского флота стали обладать правом вето на любые решения, принимавшиеся кабинетом министров. В результате военная мощь Японской империи с 1926 по 1945 г. росла невиданными темпами. Последнее стимулировало японское правительство к вторжению во Внутренний Китай в 1937 г., а затем и к вступлению во Вторую мировую войну.

---

¹³ *Feuerwerker A.* The Cambridge History of China. V. 13. Republican China 1912–1949. Cambridge, 2008, p. 9–10.

¹⁴ *Jansen M.B.* The Japanese and Sun Yat-sen. Boston, 1954, p. 146.

Ранее, в 1936 г., Япония заключила так называемый антикоминтерновский пакт с Германией и Италией, а в 1940 г. подписала с ними же союзное соглашение, в секретных приложениях к которому японское правительство зафиксировало претензию на территориальное расширение действия доктрины “Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии” на весь азиатский континент¹⁵. Начавшаяся 7 декабря 1941 г. война на Тихом океане фактически предопределила крах японской доктрины господства в Азии, поскольку политика Токио натолкнулась на жесткое противодействие со стороны США и Великобритании, рассматривавших азиатское пространство в качестве зоны собственных исключительных интересов. Геополитическая ситуация на Дальнем Востоке значительно осложнилась после вступления в августе 1945 г. в войну с Японией Советского Союза, которого Вашингтон и Лондон воспринимали как главного соперника в борьбе за азиатское доминирование.

Акт о капитуляции Японской империи был подписан 2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора “Миссури”. После полной капитуляции во Второй мировой войне Япония была оккупирована союзными войсками (в реальности вооруженными силами США) вплоть до вступления в законную силу в 1952 г. Сан-Францисского мирного договора. В названный период фактически была демонтирована Японская империя, страна полностью утратила государственный суверенитет. Император и правительство контролировались Верховным командованием союзных войск. За время оккупации в Японии усилиями американцев была проведена демилитаризация японской государственной машины, разработана и принята 3 мая 1947 г. новая конституция страны. Принятие конституции трактуется историками как формальное, юридическое упразднение Японской империи¹⁶.

Феномен Японской империи с точки зрения некой специфической региональной интеграционной политики в Восточной Азии представляет значительный исследовательский интерес. Территория японского государства рассматривалась властями как единое административное пространство с унитарной формой управления¹⁷. Вплоть до поражения во Второй мировой войне японское правительство жестко контролировало практически все стороны жизни не только на оккупированных территориях, но и на территории исконной Японии. Чтобы стимулировать поддержку центральной власти, императорское правительство предоставляло этническим японцам существенные привилегии в колониальных владениях. Привилегии были различного свойства и варьировались в зависимости от подконтрольной территории: так, важнейшие земельные отношения на Тайване, в Корее и Маньчжурии отличались, прежде всего, с точки зрения структуры общего права собственности и объема прав собственности на землю у местного населения.

Еще в 1873 г. правительство императора Мэйдзи ввело единый земельный налог, размер которого независимо от урожая составлял 3% от средней стоимости земли. Это позволило гарантировать практически 80% поступлений в государственный бюджет за счет данного налога. Примечательно, что интеграционная программа “Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии” в качестве приоритетного направления экономической части данной доктрины управления захваченными территориями рассматривала именно этот налог¹⁸.

Кроме того, с началом ухудшения японских позиций на восточноазиатских фронтах (примерно в начале 1943 г.) правительство Японии активизировало политическую линию на оказание широкой помощи населению колониальных владений западных держав в достижении реальной независимости. Японская сторона рассчитывала, таким образом, привлечь местное население к более активному участию в совместной борьбе вместе с японскими вооруженными силами против европейских колонизаторов.

---

¹⁵ *Ishibashi T.* DaiNihonshugi no Genso (Иллюзия великого японизма). Tokyo, 1996, p. 70.

¹⁶ *Okakura T.* The Awakening of Japan (Пробуждение Японии). New York, 1954, p. 208.

¹⁷ *Tokito H.* A Conflict Between Liberalism and Nationalism in Japan. Tokyo, 1991, p. 19.

¹⁸ *Murabuse K.* Nanshinron (Теория продвижения на юг). Tokyo, 1937, p. 36.

31 мая 1943 г. императором Сёва был официально одобрен важный документ под названием “Об основных принципах политического руководства в Великой Восточной Азии”, в котором содержались принципиальные положения, провозглашавшие необходимость “укреплять политическую сплоченность всех восточноазиатских государств и наций вокруг борющейся за азиатские ценности Японской империи.

Резюмируя, можно с большой долей уверенности отметить весьма заметные особенности японской колониальной политики в Азии периода Японской империи 1868–1947 гг. А именно:

1) делалась ставка на эффективную региональную интеграцию с целью обретения регионом политической целостности и создания полностью подконтрольной Токио геополитической мощи;

2) предпринимались целенаправленные усилия для придания региональной интеграции весомых гарантий, способных обеспечить безопасность собственно территории Японии;

3) формировалось целостное региональное пространство под исключительной японской юрисдикцией, защищенное как в экономическом, так и в военном плане от посягательств враждебной западной цивилизации.

Изначально успехи Японской империи в реализации политики азиатского объединения во многом объяснялись умением найти в местных элитах пассионарные группы, которые ради исповедуемых националистических идей охотно шли на тесное сотрудничество с японским правительством, порой закрывая глаза на истинные захватнические цели властей Японии¹⁹. Надо отдать должное прозорливости японских довоенных стратегов, взявших на вооружение не только эффективные военные методы, но и куда более мощное средство воздействия, а именно: конфуцианское видение развития будущего мира с его жестким соперничеством цивилизационных форматов, что много позднее будет названо “конкуренцией мягкой силы”.

Современные исследователи периода Японской империи характеризуют ее как некое новое конфуцианское государство, олицетворявшее собой высокую приспособляемость сформулированной идеологии к различным стилям властного управления, образованию и семейным ценностям, что позволило мультиплицировать сходное националистическое мировоззрение в самых разнообразных политических условиях. Конфуцианство в японской национальной, антизападнической интерпретации охватило практически всю Восточную Азию, превратившись в региональный феномен мирового развития, первую реальную попытку противопоставить себя глобалистским устремлениям Запада, а также начало интеграционных процессов на азиатском континенте²⁰.

---

¹⁹ Goto K. *Showa and Indonesia*. Tokyo, 1986, p. 25.

²⁰ Мясников В.С. Россия и Япония: узлы противоречий (размышления в связи с выходом книги А.А. Кошкина). – Новая и новейшая история, 2011, № 5, с. 139–157.